

—

«За один день?» — писатель был потрясен. «Это невозможно! Нет, я не смогу!»

Сяо Фу недоуменно спросил: «Почему? Ты же образованный человек. Я могу написать тысячу иероглифов за час. А ты, как учёный, должен писать как минимум три тысячи иероглифов в час. За двенадцать часов это будет тридцать шесть тысяч иероглифов, этого достаточно».

Писатель побледнел: «По вашим словам, я должен не есть, не пить и не спать?»

Сяо Фу спокойно кивнул: «Именно».

Великий писатель собирался отказаться, пока не увидел стоящего рядом с ним дюжего мужчину с грубым лицом, который вытащил кривой нож и злобно прорычал: «М?»

Тот сдался: «Ладно... я напишу, нет, я буду диктовать, а вы пишете».

Сяо Фу тут же оживился и сел прямо.

По предоставленным Сяо Фу материалам, автор начал неспешно рассказывать историю. Вскоре он дошел до темы, которая так волновала Сяо Фу — свадьбы.

«И вот, в брачную ночь, учёного напоили. На кровати он обнаружил, что генерал был переодетым мужчиной. Он был в ужасе, не мог смириться с этим и выгнал генерала за дверь. Генерал упал на колени, а за окном бушевала метель...»

Сяо Фу прервал его: «Неправильно. Они поженились весной, снега не было. И учёный не выгонит его. Он не такой человек».

«...Хорошо, весна. Тогда пусть за окном бушует гроза. Генерал добровольно стоит на коленях у двери всю ночь, изливая свои чувства, полный отчаяния. А учёный...»

Сяо Фу снова прервал: «А если не гроза? Придумай что-нибудь другое, пусть это будет романтическая ночь. И они успешно проведут брачную ночь».

«...Хорошо», — стиснув зубы, согласился автор. «Учёный был потрясен и опечален, обнаружив, что генерал — мужчина, но, будучи пьяным, он не мог себя контролировать. Генерал воспользовался моментом и взял его силой...»

Сяо Фу опять прервал: «Генерал тоже не такой. Неправильно, начинай сначала».

Писатель, как и полагалось, был на высоте. На каждую сложную проблему Сяо Фу он предлагал десятки возможных вариантов развития событий и решений. Теперь Сяо Фу знал, что делать в любой ситуации.

Он спросил Юаньцина: «Ты все записал?»

Юаньцин с каменным лицом ответил: «Все записал».

«Отлично». Сяо Фу повернул голову и крикнул: «Юань, дай господину писателю сто лян серебра».

Сто лян! Писатель был вне себя от радости: «Тогда я могу идти?»

«Нет, напиши еще несколько историй. Мне очень нравится, как ты пишешь. А как ты рисуешь? Добавь маленькие иллюстрации. Сможешь закончить сегодня?»

«.....»

Пока Сяо Фу заставлял писателя работать, Линь Цзыкуй продолжал заучивать книги. Он так много читал, что голова у него пошла кругом, и он перестал различать дни недели.

После пятнадцатого числа ему нужно было явиться на экзамены.

В день праздника фонарей Линь Цзыкуй думал о том, что экзамены будут длиться девять дней, а затем, в следующем месяце, будет дворцовый экзамен, так что ему придется пробыть здесь как минимум два месяца.

«С таким количеством серебра, если я отнесу его в зал Хуайнань, его легко могут украсть».

Мо Лю предложил: «Господин, может, оставим серебро у господина Тана?»

Мо Лю еще не знал, что Тан Мэнъян сделал с Линь Цзыкуем. Линь Цзыкуй никогда ему не рассказывал. А о лекарстве для глаз Линь Цзыкуй сказал только, что это предписание доктора Се.

Услышав упоминание о Тан Мэнъяне, Линь Цзыкуй покачал головой: «Мы с господином Таном больше не общаемся. Это серебро...»

«Какое серебро?» — раздался голос Сяо Фу из-за двери. Снег на праздник фонарей уже растаял, и цвела зимняя слива. На черном плаще Сяо Фу, и даже в его черных волосах, лежали лепестки сливы, что делало его темные глаза еще ярче, чем звезды.

«Это серебро...» — Линь Цзыкуй не осмелился сказать, что его прислал господин Сяо, и пояснил: «Это... мое состояние...»

«Всего один сундук?» — Сяо Фу взглянул и сказал: «У меня есть дом в Цзиньлине. Я попрошу Юаньшу перенести его в карету, и в Цзиньлине я обменяю его на банкноты».

Банкноты были легкими, а те, кто делал подарки, обычно предпочитали использовать настоящее золото и серебро, чтобы показать их значимость.

«Обменять на банкноты — это было бы лучше всего». Линь Цзыкуй последовал за ним и сел в карету. Сяо Фу, однако, вышел. Через мгновение Цзинь Цзунь вышел из даосского храма.

Сяо Фу тихо спросил: «У тебя получилось?»

«Господин, получилось». Цзинь Цзунь протянул ему коробку.

Сяо Фу открыл ее, взглянул и тихо сказал: «Похоже, старик тоже не хочет, чтобы империя перешла к другому, а народ страдал». Он закрыл коробку. «Цзинь Цзунь, ты с Юаньцином поезжайте сзади и крепко держите маленького князя Чжао. Не допустите никаких ошибок. Пока Юйвэнь Чжоу здесь, его отец не осмелится действовать».

На обратном пути в столицу было две кареты. Слуга постеснялся ехать вместе с господином, поэтому в карете были только Линь Цзыкуй и Сяо Фу. Дорога была ухабистой.

Линь Цзыкуй, прислонившись к стенке кареты, сказал: «В этом году на экзамены приедет около четырех-пяти тысяч студентов. Интересно, найдется ли место в зале Хуайнань...»

«А почему бы тебе не поселиться в моем доме? У меня там нет посторонних». Возможно, из-за того, что Сяо Фу сам занимался боевыми искусствами, ему очень нравились руки Линь Цзыкуя, которые были созданы для письма и чтения.

Его пальцы были как нефрит, запястья тонкие, а кожа нежная, в сто раз нежнее лучшего фарфора. Их было очень приятно трогать.

Когда они оставались наедине, он, не зная чем заняться, любил брать руку Линь Цзыкуя и играть с ней.

Линь Цзыкуй поначалу к этому не привык, но ничего не мог с этим поделать, поэтому потихоньку привыкал.

Сейчас он молчал, думая, что жить у Чжаолин будет невежливо.

Его ладони чесались. Линь Цзыкуй попытался вырвать руку, но не смог. Он тихо сказал: «Если в зале не будет мест, я могу пойти в гостиницу».

Сяо Фу не сказал ни «да», ни «нет», а лишь заметил: «Сегодня праздник фонарей. Мы поедем на прогулочной лодке по реке Циньхуай. Лодка наша, и ночью мы останемся на ней. Если тебе понравится, ты сможешь жить на ней до самого экзаменационного зала».

Линь Цзыкуй подумал: «На реке Циньхуай каждую ночь песни и танцы. Гостиница будет лучше, там спокойнее».

Он совершенно не хотел пользоваться его добротой, был упрям и несговорчив. Сяо Фу не удержался и почесал его ладонь. Линь Цзыкуй резко отдернул руку, его плечи дрогнули: «Чжаолин, мне щекотно...»

«Щекотно? Да? Как ты узнал, что на реке Циньхуай каждую ночь песни и танцы? Ты что, бывал в таких местах?»

«Я был там три года назад... Мы соревновались в стихах на лодке. Со всех сторон пели куртизанки. Это было красиво, но очень сбивало с толку».

Сяо Фу, услышав это, засмеялся: «Скоро там никто не будет петь, и это не мешает тебе читать».

Император умрёт, так зачем им петь?

Линь Цзыкую лучше жить на лодке, там безопасно.

В этот оживленный праздник фонарей, князь Чжао, находящийся на северо-западе, уже тайно привел десять тысяч солдат к Цзиньлину. Сяо Фу получил эту новость два дня назад, записал ее в книгу и передал даосу Цзэу.

По сравнению с бездарным императором Вэньтаем, князь Чжао больше подходил на роль хорошего императора. К сожалению, Сяо Фу не хотел повторять ошибок. Вэньтай, будучи ничтожеством, боялся его и, подстрекаемый евнухами, осмелился подослать убийц.

А у князя Чжао было гораздо больше средств.

Карета ехала медленно. Они прибыли в Цзиньлин как раз к вечеру.

Полчаса назад, Се Лаосань все еще был во дворце, притворяясь, что избавляет императора от яда: «Ваше Величество, яд полностью выведен. Поздравляю!»

Император Вэньтай встал и действительно почувствовал себя легко и расслабленно. Он был очень рад: «Отлично! В награду тебе, чудотворный доктор, я назначу тебя государственным наставником!»

Се Лаосань хотел поскорее уйти, посмотрев на небо: «Не стоит...»

«Эй, мой дорогой министр, это всего лишь почетная должность. Принесите указ! Третий господин Се, благодаря своему искусству, вернул жизнь и спас народ. С этого дня он назначается великим государственным наставником династии Е! Ему полагается три тысячи лян золота, поместье наставника и сто рулонов шелка...»

Се Лаосань неохотно принял указ и поспешно отправился во дворец Цынин, под предлогом того, что императрица-мать нуждается в его осмотре.

Император Вэньтай, избавившись от яда и вспомнив, что его подсыпала наложница Хуэй, наконец почувствовал облегчение и без колебаний приказал евнухам подготовить три указа.

Первый — отправить наложницу Хуэй, дочь старого министра Сюя, в холодный дворец и лишить ее титула.

Второй — казнить Сюй Чжуоцзюня у ворот Умэнь.

В третьем — вызвать евнуха Тан Мэнъяна и перечислить все преступления его приемного отца, старого главы кабинета министров Сюя, в том числе и подсыпание яда императору, что являлось изменой, за которую полагалась казнь всего рода.

Казнить Сюй Чжуоцзюня было легко, но старый министр Сюй имел глубокие корни, и его было трудно сдвинуть. Свергнуть его было непросто. Поэтому третий указ был отложен и надежно спрятан.

Когда Се Лаосань покинул императорский кабинет и направился во дворец Цынин, он увидел там четырех детей, сидящих в покоях императрицы-матери Сяо: старшего принца от наложницы Шу; второго принца от наложницы Хуэй; третьего принца от наложницы Нин; и четвертого принца от наложницы Лян.

Старшему было девять лет, а младшему — четвертому принцу — чуть больше двух. Он был похож на розовый нефритовый комочек.

Се Лаосань, увидев, что императрица-мать проверяет уроки у трех старших принцев, а маленький четвертый принц сидит в сторонке и ест фрукты, подумал про себя: этот император Вэньтай не так уж стар, но очень активен, раз у него столько детей...

У императрицы-матери Сяо не было серьезных болезней. Она просто хотела спросить о Сяо Фу и императоре.

«Суи, принцы устали», — сначала она попросила служанку увести детей.

Затем она обратилась к Се Лаосаню: «Третий господин Се, ты старший брат Сяо Фу. Можешь

передать ему письмо от меня?»

Без проблем, Се Лаосань кивнул.

«Наконец-то император избавился от яда, и у меня с души спал камень. Я хочу тебя наградить, чем бы тебя наградить...» Императрица-мать все еще раздумывала, когда Се Лаосань поспешно сказал: «Императрица-мать, не нужно меня награждать. Император уже наградил меня и хочет назначить государственным наставником. К тому же, яд императора, хоть и выведен, но...»

Императрица-мать испуганно спросила: «Но что?»

«Но... остались остатки яда гу, но они несерьезны! Императрица-мать, не волнуйтесь! Император не будет так страдать, как раньше! А я сказал Его Величеству, что он полностью здоров. Хотя я совершил преступление, обманув императора, я сделал это ради Его Величества», — он говорил очень убедительно. «Подумайте, императрица-мать, если Его Величество будет думать, что он болен, разве он не будет чувствовать себя все хуже и хуже? Если он не будет думать об этом, он, естественно, выздоровеет, и остатки яда медленно очистятся за оставшуюся жизнь».

Императрица-мать была убеждена: «Да, скажи ему, что императору не стоит слишком много думать. Он и так уже измотан государственными делами. Ах, Се Лаосань, ты поступил правильно. Я все равно хочу тебя наградить».

Посетив дворец, он стал государственным наставником первого ранга, получил поместье, золото, сокровища...

Но Се Лаосань не был очень счастлив.

После выхода из дворца он первым делом встретился с Сяо Фу. На лодке он сменил лекарство Линь Цзыкую, промыл ему глаза и снова забинтовал, но на этот раз только правый глаз.

Се Лаосань сказал: «Открой левый глаз и посмотри».

Ресницы Линь Цзыкуя дрожали. Так как он долго не открывал глаза, ему было непривычно.

Сяо Фу стоял рядом, наклонившись и глядя на него.

У Линь Цзыкуя были длинные ресницы. Он несколько раз моргнул и медленно открыл глаз. Образ перед ним постепенно прояснялся, хотя и был немного размытым. Он мог видеть человека перед собой.

«Госпожа Чжаолин...»

Се Лаосань взглянул на Сяо Фу, и его губы скривились.

Сяо Фу наклонился ближе: «Линь-лан, ты меня видишь?»

«Да, да, вижу». Смотреть одним глазом было довольно неудобно, но свет и человек перед ним заставили глаза Линь Цзыкуя внезапно увлажниться.

«Эй?» — Сяо Фу был немного озадачен. «Почему ты плачешь? Больно? Се Лаосань, посмотри на него».

«Нет, все в порядке», — Линь Цыкуй поднял руку, чтобы вытереть слезы. «Просто я давно не открывал глаза, они немного устали».

Се Лаосань оттолкнул Сяо Фу и осмотрел Линь Цыкуя: «Твои глаза не выдерживают раздражения, избегай яркого света. Ночью ты можешь полностью открывать левый глаз, а близорукость постепенно пройдет. С правым глазом будет медленнее. Через несколько месяцев он должен восстановиться до состояния левого».

«Большое, большое спасибо... господин Се!» — Линь Цыкуй тут же встал, откинул полы халата и опустился на колени. Се Лаосань не успел среагировать, как Линь Цыкуй уже поклонился ему до земли.

«Господин Се, я никогда не забуду твою спасительную милость!»

«Ладно, ладно, вставай, вставай. Кто ты для этого мальчишки Чжаолина? Я его старший брат. Как я мог тебя не спасти?»

Чжаолин... мальчишка?

Линь Цыкуй подумал, неужели его старший брат не знает, что он любит переодеваться в мужчину?

Но ведь он много раз называл его госпожой, так что он должен знать, верно?

Он подумал, может быть, Сяо Чжаолин так часто переодевается в мужчину, что на улице ее никто не называет госпожой. Иначе это было бы странно, верно?

Линь Цыкуй пришел к выводу, что в мужской одежде нет ничего плохого. На самом деле, это даже хорошо. Красота госпожи Сяо была несравненна, и если бы она носила женскую одежду, ее, вероятно, разорвали бы на части богатые люди Цзиньлина.

В Цзиньлине было много людей, и чтобы избежать ненужных неприятностей, Линь Цыкуй подумал и позвал: «Чжаолин...»

«Да?»

«Ты часто носишь мужскую одежду. Я в Цзиньлине боюсь оговориться, может, я буду называть тебя... господин Сяо?»

«Господин Сяо?» — Сяо Фу слегка приподнял бровь. «Это звучит отчужденно. Цыкуй, назови меня Сяо-лан».

«.....? Сяо-лан...» — Линь Цыкуй произнес это и, расплывшись в улыбке, погладил руку. «Хорошо, пусть будет Сяо-лан».

Когда Линь Цыкуй улыбался, его губы были красными, а зубы белыми, и Сяо Фу очень нравилось на это смотреть.

«Скажи еще раз».

Голос Линь Цыкуя был мягким: «Сяо-лан».

Сяо Фу: «Эй, скажи еще раз. Мне нравится это слышать».

«Сяо-лан...»

Се Лаосань не выдержал, отвернулся и ушел. Черт! Он хотел спрыгнуть с лодки!

—

<http://bllate.org/book/14420/1274678>